

On remarque enfin des constructions syntaxiques particulières:

- des constructions segmentées (le plombier, tu l'as appelé),
- la suppression d'une partie de la négation (j'ai pas entendu),
- l'emploi plus fréquent de la coordination que de la subordination
- la redondance pronominale (moi, je trouve que...),

l'éventail limité des temps grammaticaux (rareté du passé simple à l'oral).

Les conditions dans lesquelles se manifeste l'écrit sont bien différentes et plus complexes.

Notons les différences essentielles. Tout d'abord l'énoncé au sens précis d'unité de l'échangé verbal n'est toujours, spontanément, que la parole d'un seul trait. Le texte peut être l'œuvre de plusieurs (un roman comme «Germinie». La certain a été écrit par les Goncourt). De plus on parle toujours à quelqu'un mais on peut écrire pour soi. Et second point, si l'on écrit ordinairement pour un autre (ou d'autres), il n'y a pas d'instance du discours avec un toi et moi – ici – maintenant.

Très souvent on s'écrit parce qu'on ne peut pas se parler. Les correspondants sont séparés, se trouvent dans des situations différentes et ne vivent pas le temps partagé. Dans l'écrit le maintenant du dialogue est remplacé par un rapport présent-futur, le présent de l'écriture et le futur de la lecture. Ce décalage temporel peut être camouflé ou exprimé différemment, mais il n'est pas moins réel. C'est là une différence essentielle entre le dit et l'écrit.

Celui qui écrit est assuré d'un public attentif par définition, celui qui écrit il est en état de faire le nécessaire pour être bien compris, puisque le public peut lire avec lenteur et relire à volonté, il est en état ainsi de juger à loisir et avec réflexion. Donc, le public est en principe exigeant, difficile, disposé à la critique.

C'est pourquoi le précepte donné aux enfants: «Ecris comme tu parles» est en fait impossible à suivre.

Е.Н.Михайлова (г. Белгород)

МЕТАЯЗЫК ФРАНЦУЗСКИХ ГРАММАТИК XVI ВЕКА: ПУТИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ

Пристальное внимание современных ученых к проблемам терминологии вообще и лингвистической терминологии в частности обусловлено значимостью терминов не только как своеобразных инструментов профессиональной деятельности, но и как отражения той информационной картины мира, которая сформирована в процессе ее научного познания. Непрерывность этого процесса всегда способствовала, с одной стороны, зарождению новых, с другой, - качественному преобразованию существующих терминосистем. Именно этим объясняется активизация изысканий в данной сфере и появление новых подходов к изучению терминологии. Если в 60-70-е гг. XX в. обращение к ее исследованию было обусловлено беспокойством ученых состоянием метаязыка лингвистики и необходимостью определения ее характерологических свойств, то в настоящее время их все больше привлекает возможность посредством изучения существующих терминосистем решать насущные проблемы теории познания.

При изучении терминологии принято учитывать то, что понятийные характеристики терминов динамичны в своей основе, так как динамична сама познавательная деятельность человека. В связи с этим диахронический фактор при анализе терминосистем позволяет не только выявить этимологию, но и проследить за эволюцией понятия, проникнуть в суть явления, с его помощью обозначаемого. Обращение к изучению особенностей формирования лингвистической терминологии в рамках различных лингвистических традиций дает богатый материал для такого рода изысканий.

Несомненную значимость в связи с рассматриваемой проблемой представляют так называемые переломные эпохи, когда одна научная парадигма в языкознании сменялась другой. В истории лингвистической мысли таким по-своему уникальным периодом является эпоха Возрождения – время, когда на базе греко-латинского канона грамматического описания закладывались основы многих европейских национальных лингвистических традиций. Одно из значимых мест среди них по праву занимает французская грамматическая традиция, в становлении которой важная роль принадлежит таким авторам, как Ж. Дюбуа, Л. Мегре, Р. и А. Этьены, П. де ла Раме, А. Коши, Ж. Пилло.

Поскольку в XVI в. знание о языке всецело опиралось на греко-латинскую традицию, первые описания французского языка создавались по образцам авторитетных грамматик с использованием набора готовых терминов, понятий, формул, выработанных на материале греческого языка и преломленных сквозь призму латыни во времена поздней античности и средневековья. На сходство приемов описания языка в ренессансных французских и канонических латинских грамматиках (Донат, Присциан и др.) обращали внимание многие ученые, не случайно в историко-лингвистических исследованиях XIX–XX вв. первые описания французского языка нередко называются «кальками» с латинских грамматик. Между тем анализ грамматического наследия французского Возрождения показывает, что наряду с широким использованием принципов классической традиции в них ярко выражено стремление к переосмыслению основных постулатов знания о языке. Достаточно зримо эта тенденция выразилась в сфере грамматической терминологии.

Обращает на себя внимание тот факт, что при внешней неизменности и универсальности ключевых понятий грамматики большинство канонических терминов получало в текстах первых описаний французского языка различное смысловое наполнение, продолжая при этом развиваться во времени, обрастая новыми связями и отношениями. Эта динамика как в целом метаязыка французских грамматик, так и отдельных терминов по-своему отражает подвижность и противоречивость культуры Возрождения, своеобразным воплощением которой и стала система знания о языке, созданная французскими гуманистами.

Одним из примеров кардинального изменения положений традиционной грамматики и переосмысления постулатов грамматического канона в первых описаниях французского языка является категория *фигуры*, служившая для характеристики словообразовательных моделей частей речи. За внешним сходством базового латинского термина *figura* и французского новообразования

figure при более пристальном рассмотрении сущности понятия, получившего место в описании французского языка, обнаруживаются явные расхождения, обусловленные, с одной стороны, критическим пересмотром гуманистами античного и средневекового наследия, с другой, – осмыслением ими природы родного языка, отличительной чертой которого по сравнению с латынью и греческим был ярко выраженный аналитизм.

Для того чтобы понять сущность сдвигов в значении термина «фигура», произошедших в эпоху Возрождения, следует проанализировать специфику его описания на ранних этапах европейской традиции и сопоставить их с приемами грамматического моделирования и характером трактовки вопросов словообразования, изначально стоявших за ним.

Согласно положениям античной и средневековой грамматической традиции, под *фигурой* (образом или строением) принято было рассматривать разного рода словообразовательные модели. Вслед за Дионисием Фракийским, во многих авторитетных грамматиках античности принято было различать три образа: *простой, составной и образованный от составного*. Среди *составных* различали четыре разновидности в зависимости от комбинаций образующих их элементов. В частности, у Дионисия Фракийского они представлены следующим образом: «Среди составных четыре разновидности: одни из них (составлены) из двух целых, другие – из двух неполных, третьи – из неполного и целого, четвертые – из целого и неполного» [Античные теории 1996: 130]. Исходя из такого понимания фигуры, сложными словами принято было считать те, образование которых было связано прежде всего со словосложением и префиксальной деривацией. В несколько упрощенном виде данная категория представлена у Доната: в ее основу положена бинарная оппозиция – простые и составные формы [Ars Donati, 46].

Обращает на себя внимание то, что при всем желании авторов ренессансных грамматик сохранить канонические признаки описания частей речи и их категорий, акциденция фигуры представлена далеко не во всех французских грамматиках XVI в. При этом в ее трактовке наблюдается гораздо больше противоречий, чем на других уровнях категориального анализа, например, при описании категорий рода, числа, падежа. В то время как грамматисты первой половины столетия включали фигуру в число акциденций таких частей речи, как имя, глагол, наречие, в общих чертах сохраняя за ней традиционную трактовку, авторы второй половины XVI в. шли по пути преобразования исходных положений канона. Противоречия в описании данной категории выразились в недостаточно четком определении ее содержания, подвижности ее границ и неоднозначном решении проблемы ее категориального статуса, что по-своему отразилось и на содержании термина.

Трансформация исходных положений греко-латинского канона в данном случае была обусловлена совокупностью причин. Прежде всего, она связана с изменением языка-объекта грамматического описания, отличавшегося от языков исходной модели своей типологией (как известно, в отличие от греческого и латинского языков, французский в XVI в. обладал уже оформившейся аналитической системой). Другой причиной сдвигов в интерпретации данной категории стало осмысление гуманистами феномена слова применительно к языку

аналитического типа, т.е. рассмотрение его как цельнооформленной или раздельнооформленной единицы. И, наконец, новый подход к пониманию предмета грамматики, ее целей и задач на новом этапе развития знания о языке во многом предопределили преобразования, которыми оказалась затронута вся категориальная система. Переосмысление предмета грамматики привело к девальвации категориального статуса фигуры, а также к смещению ее сначала на периферию грамматического описания, а затем и за его рамки. По-своему этот процесс был связан и с изменениями общего направления в развитии лингвистической программы французского гуманизма, прежде всего с эмансипацией грамматики от других областей знания о языке. Огромный лексический фонд французского языка с богатейшим набором словообразовательных моделей приобрел в то время большую значимость для риторики, которая, как пишет Н.А.Безменова, и была занята регламентацией этой словесной массы неорганизованных элементов [Безменова 1991: 87-88].

Одним из показателей динамики содержательной стороны термина «фигура» является девальвация категориального статуса данной акциденции. Этот процесс в грамматической традиции французского Возрождения протекал достаточно динамично: в то время как грамматисты начала и в какой-то мере середины XVI в. сохраняли ее в составе именных категорий имени, авторы второй половины столетия шли по пути ее исключения из грамматического описания или по пути вытеснения ее другими акциденциями со значением словопроизводства. В результате этого во французских грамматиках появились *деривация* и *уменьшительность*, близкие, но не идентичные традиционной акциденции фигуры признаки. Если в рамках деривации в какой-то мере воссоздавалась вся совокупность значений традиционной категории фигуры, то уменьшительность ограничивала грамматическое описание жесткими рамками суффиксальной деривации с достаточно узкой семантикой.

Как показывает анализ первых французских грамматик, попытка гуманистов приложить традиционную модель грамматического описания к родному языку поставила их перед необходимостью осмысления сущности таких понятий, как *слово* и *словообразование*. В античной и средневековой грамматике фигура предполагала рассмотрение лишь цельнооформленных смысловых единиц. Такой же подход сохранялся в эпоху Возрождения и в описании классических языков (Депотер, Скалигер, Санчес, Линакр, Рамус, Коши и др.). Во французских грамматиках XVI в. в связи с переосмыслением понятия слова границы словосложения расширились, поэтому в рамках акциденции фигуры рассматривались не только цельнооформленные, но и раздельнооформленные единицы. К примеру, при описании имени в грамматике Ж.Дюбуа как типичные случаи словосложения представлены следующие аналитические образования: *moult docte, fort docte bien docte* [Dubois 1531: 95]. Вхождению этих форм в описание имени наряду с цельнооформленными единицами типа *enemi* способствовало то, что лингвистическим сознанием эпохи они воспринимались как неразрывное смысловое целое, отвечающее всем требованиям, предъявляемым грамматической традицией к слову (*dictio*). Об этом свидетельствует, во-первых, типичное для общепольской нормы того времени слитное их написание

(*tresdocte, tresfort, etc.*), во-вторых, трактовка односложных наречий интенсивности в этих формах как частиц (*particules*), а не как полнозначных слов.

Подход Л.Мегре к описанию акциденции фигуры является одним из наглядных примеров точного воспроизведения традиционных постулатов грамматики при переносе их на новый языковой материал. В его трактате, в главе, посвященной описанию имени, довольно подробно описываются следующие типы словообразования: 1) имена, состоящие из двух целых слов (*malheur*), 2) имена, состоящие из двух форм, каждая из которых в отдельности не имеет значения (*benivole*); 3) имена, состоящие из одной неполной и одной полной формы (*chacun, aocun, qelcun*) [Meigret 1550: 48-49]. При этом Мегре отмечает, что тонкости словообразования лучше всего разбирать на примерах из латыни и греческого, тем самым он обращает внимание на недостаточно развитую систему словообразования в родном языке.

Аналогична оценка данного явления во французском языке в работах Дж.Пальсграва, Ж.Пилло, исключивших традиционную акциденцию фигуры из описания частей речи. Иначе оценивал распространенность данного явления в родном языке П де ла Раме, по мнению которого этот способ словообразования используется во французском языке намного шире, чем в латыни [Ramus 1587: 60]. Как видим, представления о типичных чертах французского обихода даже у грамматистов, представлявших одно поколение, не во всем совпадали.

В грамматиках второй половины XVI в. все явственнее прослеживается тенденция по смещению категории фигуры, а вместе с ней и вопросов словообразования, не только на периферию, но и за пределы грамматического описания. Одна из причин инноваций в анализе словообразовательных моделей французского языка кроется в переосмыслении значения традиционной категории или в расщеплении общего значения, стоявшего за каноническим термином. Если в античной и средневековой традиции акциденция фигуры включала префиксальную деривацию как один из типов словосложения, то во французской традиции XVI в. префиксальная и суффиксальная деривация, получавшие ранее отражение в двух таких разных акциденциях, как *вид* (*species*) и *фигура*, слились воедино.

В связи с новой трактовкой термина фигура рассматривалась уже исключительно как словосложение, что стало главной причиной перемещения ее на периферию, а затем и исключения из грамматического описания. Так, Ж.Пилло заменил ее на акциденцию *вида*, Дж.Пальсграв вывел на смену ей *деривацию*, основу которой составляло традиционное противопоставление: исходные / производные слова. В работах А.Коши и Ж.Массе в качестве одного из признаков имени выделена *уменьшительность*, представлявшая собой в классической традиции один из элементов категории *вида*. Как видим, осмысление гуманистами словообразовательных моделей, типичных для французского языка, осуществлялось на материале традиционных категорий *вида* и *фигуры*. Анализ источников показывает, что содержание обеих категорий оказалось трансформированным не столько в связи с приложением его к новому языковому материалу, сколько в связи с изменением общих постулатов знания о языке, в

результате чего в центре грамматического описания оказались сугубо грамматические признаки слов (род, число, лицо и др.).

Грамматика Ж. Пилло представляет собой один из примеров наиболее оригинальной интерпретации данной категории. Так, при описании имени этот автор исключил акциденцию фигуры (словосложения), заменив ее акциденцией вида и сообщив этой последней иной характер за счет введения нового противопоставления (первичные – уменьшительные имена) к уже имевшему место (первичные – производные). Одна из видимых причин трансформации канонической модели описания имени в данной грамматике кроется в близости содержания, которое изначально стояло за акциденциями вида и фигуры. С другой стороны, изменение, внесенное Ж.Пилло в категориальную систему, можно рассматривать как результат воздействия на него идей Скалигера, отмечавшего, что из двух категорий вид гораздо важнее, так как «без фигуры речь существовать может, а без вида – нет» [Scaliger 1540: 170].

Принимая во внимание тот факт, что из всех типов словообразования во французском языке рассматриваемого периода словосложение представляло собой наименее типичное явление [Доза 1956: 158 и др.], становится вполне объяснимым предпочтение, отданное Ж.Пилло одному признаку, и исключение из грамматического описания другого. В итоге в его грамматике суффиксальная деривация нашла себе место в категориальном описании частей речи через акциденцию вида, но при этом заняла нишу, предназначенную традиционно для акциденции фигуры.

Итак, акциденция фигуры в грамматической традиции французского Возрождения представляет собой пример кардинального пересмотра античного грамматического наследия, взятого за образец. Изменения в описании данной категории выразились в том, что за внешней неизменностью термина, скалькированного с латинского оригинала, стоит качественное переосмысление его содержания. Осуществленные французскими гуманистами преобразования в области грамматической терминологии отражают преобразования, значимые для ренессансной традиции в целом. То, что вопросы словообразования первоначально были выведены на периферию, а затем и за рамки грамматического описания, по-своему отражает сущность преобразований в период становления новой научной парадигмы, а именно: сужение предмета грамматики и эмансипацию ее от других областей знания о языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Античные теории языка и стиля. - СПб., 1996.
2. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. - М., 1991.
3. Доза А. История французского языка. - М., 1956.

ЛИТЕРАТУРА:

4. *Ars Donati grammatici* // Holtz L. *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical*. P., 1981.

5. Dubois Jacques (Sylvius Jacobus Ambianus). In linguam Gallicam Isagoge, una cum eiusdem Grammatica Latino-Gallica ex Hebraeis, Graecis et Latinis scriptoribus. Parisiis, 1531.
6. Estienne Robert (Stephanus Robertus). Traicté de la Grâmaire Francoise. Paris, 1556.
7. Grammatici Latini. Lipsiae, 1855-1880. Vol 3.
8. Meigret Louis. Le tretté de la grammere françoëze. Paris, chez Christien Wechel, 1550. / Ed. établie par F.-J. Hausmann. Tübingen, 1980. 172 p.
9. Pillot Jean (Pillotus Ioannes). Gallicae linguae Institutio Latino sermone conscripta (1550). Parisiis, 1561.
10. Petrus Ramus. Grammaire (1572). – Paris, 1587.
11. Scaliger Julius Caesar. De causis lingae Latinae. Lugduni, 1540.

Г.М. Назарук (м. Івано-Франківськ)

МОДАЛЬНІСТЬ ЯК ЗАСІБ ВИРАЖЕННЯ МОВЛЕННЕВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ У ФРАНЦУЗЬКІЙ МОВІ

Розвиток масової комунікації став вимагати побудови наукової теорії мовленнєвої діяльності, де були б пов'язані в одне ціле новітні досягнення риторики, теорії аргументації, логіки, стилістики, семіотики, структурної поетики, а отже, такий принцип як *експансіонізм*, – один з найпоширеніших методологічних принципів сучасних лінгвістичних досліджень, що розуміється як „втручання” в лінгвістичну науку досягнень інших галузей, створений безпосередньо для лінгвістики тексту, – став поширюватися на інші галузі наукового пошуку.

Стосовно модального аспекту, що тісніше пов'язаний з мовцем, ніж інші текстові параметри, не виникає сумніву у необхідності застосування саме експансіоністського принципу аналізу. Як зазначає Степанов [5, с. 6], у наші дні саме проблема суб'єкта об'єднує лінгвістику, психоаналіз, епістемологію, логіку, філософію, історію, політологію. Щодо французького інтелектуального життя, то в ньому завжди, підкреслює Серіо [4, с. 12], центральне місце займали психоаналіз, лінгвістика і тема суб'єкта. Але саме розмежування мови і мовлення виявилось основоположним для досліджень різних лінгвальних явищ у французькій мові, а отже, не тільки мовних категорій, але й мовленнєвих і текстових, до яких належить і *авторська модальність*. Відомо, що в цій категорії пов'язані в одне ціле ключові поняття комунікативного процесу – об'єктивна дійсність, суб'єкт-мовець і саме висловлювання. Отже, основні проблеми модальної тематики французької мови стосуються розмежування таких понять як модальність/комунікативність, модальність/афірмативність, модальність/емоційність, модальність/питання, модальність/оцінка тощо.

Модальність тісно пов'язана з концептуальною та мовною картинами світу мовця. Складові функціонально-семантичної модальної підсистеми складають систему мовних варіантів, звідки мовець бере форми вираження модальних відношень у мовленні, при цьому модальне значення може виражатися як системними конвенціональними засобами (наприклад, модальними частками, які завжди несуть модальне значення), так і одиницями, використання яких